

ГАЛИНА
ГОЛИЦЫНА

Слепая

Галина Голицына

Клеменция

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Клеменция / Г. Голицына — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-767003-1

Что было бы, если бы в России не свергли царя? Была бы нормальная монархическая страна — сильная, богатая, за которой с опаской наблюдают соседние государства, в основном с помощью своих шпионов. А что бывает, когда шпион — женщина? Да много чего тогда случается... Клеменция прибывает в Петербург с определённым заданием. Но всё идёт как-то не так...

ISBN 978-1-38-767003-1

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Страшная Азия. Адреса, пароли, явки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Галина Голицына

Клеменция

Часть первая. Страшная Азия. Адреса, пароли, явки

Азиатский невольничий рынок... Многоцветье, многоголосье, палитра чувств – от глубокого человеческого горя до злой насмешки и откровенных издевательств. Бурлит рынок, клочет, рыдает, заывает, переливается разноязыкой речью. Продавцы, в общем-то, довольно однообразны: бритые головы защищены от солнца затейливыми тюрбанами, одежды очень светлые, в основном белые, и на этом фоне очень нарядно, даже празднично, выглядит зеленый цвет, любимый всеми мусульманами, священный цвет ислама. Черные глаза, черные усы, цепкие пальцы унизаны дорогими самоцветами – кто-то, переговариваясь, посмеивается, кто-то горячо спорит, кто-то лениво за этим наблюдает. Они не стыдятся, не гордятся, особо не суетятся, – они просто работают. Зовут покупателей, предлагают товар, торгуются в соответствии со своим темпераментом – обычные люди в своей обычной обстановке.

Другое дело – товар. Товар здесь очень разнообразный. Цвет кожи у товара – от ослепительно белого до ослепительно черного, с массой промежуточных стадий: желтый, оливковый, шоколадный, бело-розовый... Золотые косы славянок, курчавые шапки африканцев, льняные волосы скандинавских пленников и блестящие иссиня-черные волосы азиатов. В глазах у товара – боль, стыд, тоска, равнодушие, злость... Много чего можно в них увидеть, да кто же станет читать душу в глазах раба? Покупатели интересуются телом: внимательно разглядывают прелести женщин, придиричливо ощупывают кулаки и бицепсы мужчин. Ведь раб – это работник, и работать будет его тело, а не тонкая душа. В прошлой жизни они могли быть кем угодно: принцессами, учеными, крестьянами; кем станут теперь – определит новый хозяин.

Клеменция плыла по этому бурлящему морю, почти оглохнув и ослепнув от того, что творилось вокруг. Благодарила Бога, что послушалась приказа, закуталась в чадру и взяла двух охранников из местных. Иначе нельзя: женщина с открытым лицом, к тому же немусульманка, к тому же молодая, – легкая и желанная добыча для любого работоторговца, если только он не слишком ленив и не страдает избытком нравственности (а они этим точно не страдают). Пикнуть не успеешь, как крючковатые или жирные пальцы в перстнях схватят и приложат к телу раскаленное тавро. После этого, даже если удастся убежать на край света, до конца дней своих будешь бояться, что кто-то явится и заявит на тебя свои права. А в мусульманском наряде она – богатая госпожа, которая, прихватив двух слуг, пришла на рынок присмотреть рабов в свое хозяйство. Но даже с закрытым лицом, даже под охраной надежных телохранителей – Хасана и Али – она чувствовала себя весьма неуютно. Парней постоянно кто-то задирали; торговцы, показывая на нее пальцем, цокали языками и что-то говорили, и то один, то другой ее охранник, ощерившись, хватался за нож.

Господи, ну неужели нельзя было выбрать для встречи другое место? Почему у боссов тайной канцелярии такая трепетная любовь к дешевому шпионскому антуражу? Клеменцию практически не приглашали в офисы; задания она обычно получала в ресторанах, закусочных, метро. Там же она давала промежуточные отчеты и принимала высочайшие поправки. И всегда считала такую конспирацию несерьезной, детской. Иногда ей терпеливо разъясняли, что «детская» конспирация вызвана именно серьезностью момента, и нечего ей «засвечиваться» в кабинетах, иногда грубо обрывали, откровенно давали понять, что это не ее ума дело, что приказы не обсуждаются, и тогда она, доблестный солдат невидимого фронта, делала «под козырек».

В этой дикой Азии метро не было, а по чайханам местные женщины не ходят, поэтому пришлось идти получать задание в эту клоаку, именуемую Невольничьим рынком. Связной оказался банальным работником с крючковатым носом и профессионально зычным голосом. Прошептав пароль и получив отзыв, она отошла с ним от его товара (не отпуская от себя ни на шаг телохранителей), всё выслушала и запомнила. Со стороны казалось, что она хочет купить у него служанку и упорно торгуется (через слуг-мужчин, разумеется). Её действительно поразила миниатюрная испуганная японка, прижимающая к себе малышкой-двойняшек с абсолютно одинаковыми мордашками. Зареванные дети были одеты в жалкое подобие одежды, и Клеменция так и не поняла, какого они пола. Расчувствовавшись, она хотела выручить японочку, но та, поняв, что её покупают, знаками умоляла не отрывать её от детей, а на трех рабов денег у Клеменции ну совсем не хватало, и она с тяжелым сердцем оставила эту затею. Конечно, она понимала, что следующий покупатель может оказаться не таким сердобольным, и купит только то, что ему будет надо: или одну мать, или одних детей, или только одного малыша, и семья все равно распадется, растеряется по разным хозяевам, но что было делать?

Искренне горюя, она ушла от удивительного связного, так буднично и спокойно сочувствовавшего высокую идейность тайной службы с низкой моралью своей повседневной жизни и работы. Пробираясь к выходу на волю (вот неожиданный каламбур: выбраться с Невольничьего рынка на волю), глядя по сторонам, понимала, что японка с детьми – это только маленький осколок человеческого горя, а из таких вот осколков складывается одно общее горе этого страшного рынка, и помочь всем этим несчастным не в состоянии ни сама Клеменция, ни вся мировая тайная канцелярия, которой, кстати, до этой стороны жизни просто нет дела.

Поглядывая по сторонам, она механически отмечала про себя настроение и поведение рабов.

Вот стоит белокожая девушка с рыжими пушистыми волосами. Она совершенно обнажена, и вокруг хороводом ходят четыре покупателя. Девушке лет пятнадцать-шестнадцать, но фигурка уже вполне сформировавшаяся, даже аппетитная. Несмотря на рыжие волосы, веснушек ни на теле, ни на лице, кажется, нет. Или просто издали не видно? Краснея от стыда, она пытается распущенными волосами закрыть лицо и грудь, а покупатели ощупывают её тело, теребят волосы, заглядывают в лицо, что-то лопочут, ухмыляются и подвывают от восторга. Немытые, дурно пахнущие сластолюбцы! Не дай бог оказаться на месте той девушки...

Потом Клеменция остановила взгляд на седом негре. Он уже очень старый. То есть, может, старый он и не очень, но уж очень... дряхлый, что ли. Стоит, безучастный ко всему, тупо уставившись в землю, безвольно уронив жилистые натруженные руки. Бедный, бедный дедушка... Кому ты теперь нужен? Разве что художник или скульптор сумеет оценить причудливый рисунок набухших вен, оплетающих много поработавшие руки и ноги. Кто и зачем тебя может купить? Никто и низачем. Поводит-поводит тебя торговец на рынок, да и убьет в конце концов, чтобы не кормить дармоеда.

Потом глаз Клеменции выхватил из толпы атлетическую фигуру высоченного красавца. О, мой Бог, да это же Аполлон, собственной персоной! Настоящий, живой, а как будто нарисованный. Клеменция даже остановилась. Подумала-подумала – и рискнула подойти ближе, чтобы хорошенько рассмотреть это чудо Творца. Золотисто-русые волосы, лепная мускулатура, кожа покрыта ровным загаром. Мускулистый, ловкий, загорелый... Моряк, что ли? Из одежды на нем была только набедренная повязка какого-то туземного вида. Всё остальное – на виду, даже голова не прикрыта от солнца. Да уж, его продавец умел показать товар! Атлет стоял, возвышаясь над всеми, и поверх моря голов смотрел куда-то вдаль, за горизонт, и такая неизбывная тоска была в его глазах, такая горечь, что у Клеменции защемило сердце.

Поняв, что богатая дама интересуется его товаром, продавец захопотал вокруг неё, расхваливая товар, нараспев перечисляя его достоинства, закатывая глаза и целуя кончики пальцев. Все его причитания сводились к одному: «Персик! Рахат-лукум!». Он решил, что госпожа

хочет купить себе этого красавца для любовных утех. Он даже предложил (за плату, разумеется) снять набедренную повязку, чтобы покупательница убедилась в высоком качестве товара. Улыбнувшись под чадрой, Клеменция протестующе помахала рукой и спросила через телохранителя, не моряк ли этот раб. Торговец разочарованно скривил губы, однако ответил, что да, моряк, и отличный моряк.

Клеменция знала много языков, даже фарси, но в ее восточных языках всегда чувствовался европейский акцент, и сейчас она порадовалась, что здесь не принято, чтобы женщина напрямую обращалась к незнакомому мужчине, иначе неизвестно, как бы торговец повернул дело, услышав её иностранный выговор. Так они и беседовали: Клеменция шептала вопросы одному из своих ребят, тот пересказывал торговцу, а торговец в ответ заливался соловьем, расхваливая теперь уже деловые качества своего раба. Клеменция сказала, что у её мужа новая яхта, и она, любящая жена, хочет подарить ему умелого матроса. Работоторговец радостно закивал, говоря, что этого раба захватили именно на яхте, и он дрался, как лев, но всё же был побежден превосходящим по силе и численности противником.

Постепенно, слово за слово, подошли к вопросу о цене. За всё время разговора продавца с покупательницей моряк ни разу не глянул в их сторону, не отвел глаз от горизонта – думал, видимо о своем, не меняя осанки и, к сожалению, так и не изменив выражения глаз. Клеменции стало по-человечески жалко этого моряка, и она решила купить его во что бы то ни стало, даже если придется выложить все деньги. Хотя бы одному невольнику она поможет! Но когда продавец назвал цену, Клеменция не поверила. За одного раба?! Или за всю команду с его шхуны? Господи, да он с ума сошел, за такие деньги саму яхту, пожалуй, купить можно! Она так и прошептала своему переводчику. Продавец довольно ухмыльнулся и сказал, что яхта – это только металл и дерево. А кто этим управлять будет?

Клеменция стала торговаться. Продавец, крихтя, начал уступать, но после двух уступок уперся и, как покупательница ни билась, больше цену не сбавлял. А денег у нее не хватало. Опять, как с японкой, отступить и уйти? Она подняла голову и посмотрела в лицо раба. Он продолжал не реагировать, будто речь шла вовсе не о нем. А может, он и впрямь не понимал, что его покупают?

Повернуться и уйти?... Но в душе Клеменции проснулось то, что называют спортивной злостью. Или азартом? Ведь в первый (и в последний!) раз в жизни она покупает раба. Так не постоим же за ценой! Решившись, она сняла с пальца кольцо со светлым камешком. Бриллиант был по здешним меркам небольшой, но очень чистой воды и превосходной голландской огранки. Продавец долго и придиричиво его рассматривал, крутил, вертел, совсем замусолил пальцами, но наконец вздохнул, надел кольцо на жилистый мизинец и рубанул воздух рукой: продано!

Отдавая деньги, телохранитель тихо вздохнул и укоризненно покачал головой. Осуждает. Думает, с ума дамочка съехала.

Пересчитав деньги, продавец спросил, куда поставить клеймо. Он специально не клеймил раба, не зная, для каких целей его купят. Если ради красоты, то знак можно выжечь на малозаметном месте. А если есть опасение, что раб убежит, отметину лучше сделать на месте самом видном: на щеке или даже на лбу. Клеменция отрицательно покачала головой и прошептала через телохранителя, что её муж предпочитает метить своих рабов собственным клеймом. Еще спросила, на каком языке говорит моряк. Злорадно хмыкнув, торговец ответил, что не слышал от него ни единого слова. Может, он вообще глухонемой. Теперь-то он мог позволить себе сказать такое, ведь деньги и кольцо были уже у него.

Клеменция попросила какую-нибудь одежду для своей ослепительной покупки. Пожав плечами, торговец сунул в руки Али, одному из телохранителей, бледно-голубую хламиду, впрочем, довольно чистую. Парень дотронулся до плеча плененного божества, словами и знаками объясняя, что эта женщина теперь его госпожа, она его купила и сейчас приказывает

одеться. Только тогда их морское величество изволил оторвать взор от горизонта и повернуть царственную голову к новой хозяйке. Теперь выражение его глаз изменилось, но радости от этого было мало. В больших серых глазах плескалось море – нет, целый океан презрения. Он смотрел на Клеменцию как на гадкое насекомое, как на предателя, как на смерда, плебея, который вообще непонятно как осмелился попасться ему на глаза. А Клеменция думала, что рабы смотрят на своих хозяев... ну, несколько иначе. Ничего себе! Вот уж купила, так купила! Да делать нечего, и она стала пробираться к выходу, уводя за собой покупку и всё яснее понимая, что деньги, очевидно, вложены не так чтобы очень выгодно.

Теперь один телохранитель эскортировал Клеменцию, а другой крепко держал за руку её новое приобретение. Выбравшись с рынка, они, петляя кривыми улочками, сопровождаемые гнусавым пением муэдзина, чуть ли не бегом добрались до глиняного домика, где в последние дни жила Клеменция. Времени до отхода поезда оставалось мало, но её вещи уже были собраны, и телохранителям оставалось только взять чемоданы, что они и сделали, не доверив этого рабу. Неизвестно, правда, стал бы он их нести, или...

До вокзала дошли всего за десять минут, и на перроне, ожидая, пока подадут состав, Хасан, старший из телохранителей, имел беседу с Клеменцией. Еще на рынке он недоумевал, зачем ей понадобилось покупать раба, ведь она уезжает, а кто будет здесь за ним присматривать? Да и вернется ли она за ним? Клеменция объяснила Хасану, что берет раба с собой. С собой? На задание, да разве можно? Хасан разразился замечаниями, вернее, учтивыми ругательствами, напоминая, что едет ведь она не на приятный курорт, а в далекую непонятную Россию, а эта страна живет ни по азиатским законам, ни по европейским, её вообще понять невозможно, к тому же рабства там нет, и этот непокорный, этот недостойный там просто убежит, и плакали тогда её денежки и колечко.

Устав оправдываться, Клеменция с отчаянием поняла, что поток витиеватого восточного красноречия не иссякнет никогда, но Бог сжалился над ней, и состав наконец-то подали. Клеменция сделала рукой приглашающий жест, и морское божество с отрешенным видом вознесло себя в вагон. Хасан и Али внесли чемоданы, профессионально быстро и ловко обследовали купе, проверив надежность окна, двери, замков и защелок, заглянули даже в умывальный чуланчик, и после этого Хасан деловито доложил Клеменции, что всё в порядке, можно ехать спокойно.

– И что, ни одной бомбы? – не поверил она.

– Кха! – Хасан с досадой хлопнул себя по ляжке.

Вообще-то парни хорошо делали свое дело, и незачем ей было издеваться, но должна же она была отомстить ему за выговор на перроне!

Сдав госпожу на руки проводнику и объяснив, что второй человек – это раб, телохранители пожелали Клеменции удачи и счастливой дороги. В двери Хасан обернулся, подмигнул Клеменции и прошептал проводнику, чтобы он приглядывал за этим купе – как бы раб не вздумал бежать, предварительно убив госпожу. Ну и, как водится, незаметно сунул проводнику деньги. Тот так же незаметно и спокойно их принял, и, прижав руку к груди, поклонился.

Защелкнув дверь, Клеменция сняла надоевшее покрывальце чадры и, облегченно вздохнув, провела руками по лицу, как бы умываясь. Потом решила взглянуть на раба. Тот спокойно её изучал, не слишком, впрочем, любопытствуя. Хозяйка подумала, что уже пора бы с ним пообщаться.

Собравшись с духом, она спросила:

– На каком языке вы говорите?

Она задала вопрос по-английски, потом повторила на немецком, французском, русском и испанском. Впрочем, последнее не имело смысла, так как моряк испанцем явно не был. С учетом его скандинавской внешности она пыталась вспомнить, как это будет звучать по-швед-

ски, но так и не вспомнила, поскольку в северогерманских – то есть скандинавских – языках была не сильна.

Задумчиво глядя на нее, тот ответил:

– Ну, например, на английском.

– Вы англичанин? Американец? Австралиец?

– А вам-то что?

Мило. А в самом деле, кем он может быть? Светловолосый, даже рыжеватый – может, ирландец? Нет, глаза у ирландцев обычно ярко-голубые, а у этого – серые. К тому же английский выговор у него очень правильный, даже слишком, хотя какой-то акцент проскальзывает, но не ирландский, нет. Но почему такие светлые глаза и волосы? Скорее всего, он все-таки скандинав. А, ладно, по-английски говорит, и хватит.

– Куда прикажете сесть?

В голосе слышалась явная издевка, и Клеменция слегка прикусила губу, чтобы не взорваться в ответ.

– Сами видите: купе одноместное, и спальное место здесь одно. Сидеть на этом диванчике можно и вдвоем, но боюсь, это вызовет подозрения и протесты проводника. Поэтому мне видится только один выход: вам придется сесть на пол вон в том углу. Хотя, впрочем, можете выбрать и этот. Мне очень жаль, но мы не можем презреть условности.

Серые глаза снова плеснули в нее волной презрения, и он молча опустил на пол, демонстративно отвернувшись. Интересно получается: он, видимо, думал, что она отдала кучу денег и драгоценное кольцо только ради удовольствия устроить этого хама покомфортнее, а сама будет ехать, сидя на полу?

Мстительно улыбнувшись, сказала:

– Спать вам придется там же.

Через секунду, смягчившись, добавила:

– Повторяю, мне искренне жаль.

Ноль эмоций. Даже взглядом не удостоили-с. Ладно.

Она вызвала проводника и заказала обед. Объяснила, что очень голодна, поэтому пусть несет всё, что есть в наличии. Проводник учтиво поинтересовался, нужна ли похлебка для раба. Клеменция презрительно махнула рукой: обойдется, дескать. Проводник пообещал сию же минуту прислать официанта и, поклонившись, вышел.

А чем она, собственно, возмущается? Этот матрос неизвестно какого флота не знает, кто она, зачем его купила, куда везет и что с ним дальше будет. Злится поэтому и, разумеется, прав. Да нет, неправ. Она ведь добра ему желает, просто не успела еще объяснить. Вот сейчас он поест и, согласно теории, подбодрится, как все мужчины. Тогда она ему всё и растолкует.

Деликатно постучав, всплыл миниатюрный официант, неся серебряный поднос с едой, и торжественно поставил его на столик перед Клеменцией. Хлопоча над пассажиркой и подносом, поправляя на нем сдвинувшиеся приборы и подсовывая ей какие-то салфеточки, он от усердия споткнулся о сидевшего на полу раба и в отместку слегка лягнул его лакированным ботиночком, потом вновь зачирикал над клиенткой. Увидев, как за спиной официанта стали раздуваться ноздри и грудная клетка новоявленного Посейдона, Клеменция испугалась, что маленький человечек за свое усердие может поплатиться жизнью, и взглядом умолила моряка остановиться. Сцепив зубы так, что заходили желваки, моряк остался сидеть неподвижно. А король вилок и салфеток даже не заметил, какой опасности избежал. Пожелав приятной даме приятного аппетита, он всплыл из купе и изящным движением закрыл дверь.

– Сейчас у нас с вами будет обед, переходящий в ужин. Чего изволите? Выбирайте, что хотите. Туалет и умывальник вон там, за той дверцей, вы видели.

Вымыв руки и лицо, раб-патриций милостиво выбрал салат, бифштекс с жареным картофелем, лаваш и кофе. Клеменции достались суп, пирожное и минеральная вода. Она честно

съела свою скромную часть обеда, хотя была вовсе не голодна. Да она бы и весь обед ему отдала, если бы он вел себя по-человечески, а теперь пусть остается полуголодным! Правда, ее пирожное с минеральной водой на фоне его бифштекса с картофелем как-то никло и терялось...

Когда официант, собрав посуду и благодарности, снова оставил их одних, Клеменция решила, что её новый знакомый – вернее, малознакомый – уже достаточно подобрел, и теперь его можно обрадовать, не опасаясь сердечного приступа.

Она сказала:

– Послушайте, я хочу вам кое-что объяснить.

Он поднял на неё глаза – серые-серые, как сумеречное заплаканное небо за окном. Если бы не недельная щетина на лице, он бы выглядел еще красивее. А если бы и вести себя умел... Ой, нет, так много хорошего в одном человеке быть не может, конечно.

– Я купила вас для того, чтобы помочь вам.

Свинцовую серость его взгляда оживила легкая ирония. Он как бы спросил:

– ?...

– Да, помочь. Вы что, сами не догадались? Я понимаю, люди вашего круга не страдают избытком хороших манер и образованности, но сообразительные всё же попадают; жаль, что вы не из таких. Ну так вот, объясняю: я пришла дать вам волю. Пересечем границу, приедем на место, и из вагона вы выйдете свободным человеком.

– А куда мы едем?

– А куда вам надо?

Он оценил выпад, но поленился достойно его парировать. Просто повторил:

– Так куда?

– В Россию. Вы моряк и наверняка слышали о таком государстве.

– И что мы будем там делать?

– Кто что. Я займусь своими делами, а вы, свободный человек, своими. Я могла бы ответить вас за руку в консульство вашей неизвестной страны, но вы так трепетно храните эту тайну, а я не люблю быть назойливой.

Он смотрел на нее как-то странно: то ли с недоверием, то ли с неуважением...

– Вы хотите сказать, что потратили уйму денег, чтобы потом просто отпустить меня? А, понимаю, вам срочно надо было избавиться от этих денег, а выбросить их на свалку вы постеснялись.

– Напрасно ёрничаете. Я просто хотела выручить вас, глупый вы человек. Почему вы стараетесь меня уколоть, обидеть? Что плохого я вам сделала?

– Облагодетельствовали, – процедил он сквозь зубы.

– Извините. Сама жалею, да уж деваться некуда. Давайте дотерпим друг друга до утра спокойно, без словесной поножовщины.

Он промолчал. Она тоже молчала. Смотрела в окно. Погода была – под стать настроению. Небо совсем заволгло, в оконное стекло резко впивались капли. Уже стемнело, и не было в мире ни солнца, ни луны, ни звезд, – один противный дождь. И не было в целом мире у Клеменции ни единой близкой души, а тут еще эта обуза... Все свои двадцать четыре года, с самого раннего детства, любила она одиночество, и сейчас могла бы им наслаждаться. И зачем только она купила этого матроса? Неотесан, зато с претензиями, ничем ему не угодишь: купила в рабство – очень плохо, отпускает на волю – хуже некуда. Прямо куда ни кинь, везде клин.

Она снова повернулась к нему:

– Послушайте, давайте поговорим. Просто поговорим, как случайные попутчики.

Пожав плечами, он равнодушно бросил:

– Говорите...

– Я думала, может, вам захочется что-то рассказать...

– Не захочется.

Как отрезал.

Получила? Так тебе и надо, милая, впредь умнее будешь. Если уж захочешь кого-нибудь – как это он сказал? – «облагодетельствовать», хорошенько подумай, кого.

Теперь уж она разъярилась не на шутку. В голосе зазвенел металл:

– Значит, даже после моих объяснений вам нечего мне сказать? Зато мне есть что сказать вам. Я действительно хотела помочь хоть одному пленнику – по-христиански и просто по-человечески. И собиралась выкупить одну женщину, но с ней было двое детей, а на всю компанию у меня не хватало денег. Жаль, что мысль о кольце не пришла мне в голову тогда. Думаю, за такую сумму я смогла бы выкупить всех троих, и еще бы осталось немного денег, чтобы оплатить им дорогу домой. Вас же я купила от отчаянья, от обиды за предыдущую неудачу, и теперь горько раскаиваюсь. А вы решили, что я пленилась вашими чарами? – невесело рассмеялась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.